

Camera lucida братьев Траугот

Русская поэзия – такой сложный миф – с ее чудовищами и невинными жертвами, ухающей в ночи совой и Дервишем. Видно, мифотворчество тоже один из наших инстинктов. Мы и свою жизнь, и чужую не можем иначе осмыслить, чем через миф. И культура и история – все это мифы. Это – единственная форма переработки реальности, делающая ее хоть сколько-нибудь удобоваримой, как еда для детей....

Елена Шварц

Ad marginem: внутренняя эмиграция

Традиция свободного рисования, рисования «на полях» – на полях книг, записных книжек, на полях жизни, наконец, – практически утеряна в настоящее время. Ее место заняла фотография, кино- и видео-съемка – своеобразное документирование момента: и я там был, и я это видел, и меня там видели... А все большая и большая доступность всевозможной технической аппаратуры вообще придала в конце XX века мотиву изобразительно фиксированной памяти статус глобальной теоретической проблемы воспроизведения реальности. И, забегая вперед, скажу сразу, ее разрушения.

Но до этого еще нужно было дожить, когда в конце 50-х собрались в комнатухе у поэта Роальда Мандельштама в Коломне его друзья: одни из них станут мифологическими фигурами ленинградского андеграунда, еще так и не называвшегося, – это художники, которых впоследствии объединят в «Арефьевский круг», – художники, не вошедшие в этот круг – Александр и Валерий Трауготы, сыновья известного «круговца» Георгия Траугота, – а еще друзья, друзья друзей, друзья – скрытые враги, подруги... Фотоаппаратов не было, хорошо, если были дрова (печное отопление в Коломне сохранялось до конца 60-х), – их приносил дворник. Друзья приходили в гости кто с чем. Однажды Александр Траугот принес торт (судя по всему, слово стоило бы написать с большой буквы), – дрова, принесенные дворником, просто вывалились из его изумленных рук.

Все эти молодые люди составляли не большой, но и не такой уж малый, круг ленинградцев, ушедших во *внутреннюю эмиграцию* от социалистической действительности. Уверена, что не стоит употреблять слово «оппозиция». Это была именно внутренняя эмиграция, – термин ввела в обиход Симона де Бовуар, говоря об интеллектуалах, которые не смогли принять политику Франции в начале 60-х. Более того, она настаивала, что именно внутренняя эмиграция – поле деятельности для интеллектуалов, поскольку ее границы определяются скорее внутренними референтами, а не внешними правилами «принято / не принято», «хорошо / не хорошо». Внутренняя эмиграция – состояние человека думающего, человека, который для оценки происходящего вокруг него накладывает на объективную реальность свой субъективный опыт, оставаясь при этом верным собственному чувству и рефлексии, а это, в свою очередь, создает благоприятную почву как для мысли, так и для творчества.

Московская группа нонконформистов, формировавшаяся несколькими годами позже, увидела советскую власть объективно существующей, она приняла условия режима как *среду*, а его внешнюю аффектацию – как объект для своего описания. И если она постепенно, шаг за шагом, вступила с режимом скорее в сделку, нежели в открытый конфликт (ведь пародия, юмор, абсурд – это пусть и не прямое, но все же косвенное принятие действительности – с отрицательным знаком), то характерной чертой ленинградцев было полное отторжение, выведение социальной действительности за пределы собственного мира, – режима и его «низких» условий для них просто не было.

Был город, впитавший в себя дух замышленной столицы, были странные ноябрьские наводнения, когда весь Ленинград снимался с якоря, когда клочкотали воздух и темная вода, были морок белых ночей и традиция мирискусников, литературный «Серебряный век» – Александр Блок.

Творчество Роальда Мандельштама вписано именно в эту парадигму. Недаром исследователи сравнивают поэтический мир Мандельштама с блоковским. Параллели действительно напрашиваются, и не только с поэзией Блока. Эхо акмеизма также звучит в строках поэта. Не копирование, не имитация, скорее – эстафета поэтического голоса. Эстафета поэтического. Но было и другое.

Жизнь поэта определялась в глубине общей судьбой страны. Петербургский художник ленинградской эпохи если не обязательно нищ, то нищенство, как орден духовности, принимает. Обезыченность – поэтический удел, осененный тенями Рембо, Верлена, Вийона, – «бродяги, пьяницы и воры»...

Недавняя война, блокада, долгий террор, – угар, боль и мука – все это стало бытом и повседневностью. Вредоносный, травматичный пласт коллективной жизни подспудно чувствуется – особенно в работах арестованных, но также и в многочисленных иллюстрациях Трауготов, даже более поздних, и в стихах Роальда. *Средой* для этого кружка ленинградцев был именно «биоморфный» убогий (на сегодняшний взгляд) быт, парадоксально понятый ими – как театр. Это История – изменившая судьбы миллионов людей, чудовищная и не мыслимая для нас, нынешних, история, воспринятая (многими? – едва ли) лишь как «погода», сильное ненастье, которое можно «переждать», почти не заметить.

Легенда: традиция

Беглый рисунок – классическая художественная традиция. Карандаш запечатлевает все, что интересно глазу художника – пейзаж, фигуры людей, лица, руки, животных... В зависимости от сферы интереса автора, эти рисунки могут носить некий исследовательский характер грандиозного концепта («Записные книжки» Поля Сезанна), характер сугубо личный (ассоциации, обретающие контур на полях книг, своих и чужих рукописей – как у Пушкина, а позже – у Юрия Юркуна и Ольги Гильдебрандт) и зарисовки-наблюдения (среда, знакомые и незнакомые люди – Репин, тот же Пушкин, – улыбки, гримасы, слезы – Герта Неменова).

Беглый рисунок – кроки – как память о том, что происходило вокруг художника – скорее французское изобретение второй половины XIX века. Именно в это время кроки перестают быть подготовительным материалом, возможно – зарисовками для будущей картины, и приобретают самостоятельное значение. Блестящую статью «Художник современной жизни» посвятил одному из мастеров, снискавшему известность на этом поле – Константену Гису (1802 -1892), – написал в свое время Шарль Бодлер. Гис запечатлевает благородных дам, фланирующих по Елисейским полям, дам полусвета и гризеток, денди, выезды, он публикует рисунки в английской и французской прессе; он отправляется военным корреспондентом на Крымскую войну.

В середине 30-х годов XX века в эмиграции, по случаю открытия выставки Гиса в Париже, вспоминает о нем Александр Николаевич Бенуа. Говоря о «тусклости его туши и ограниченности красок», он вдруг задается вопросом: «Не благодаря ли именно этой тусклости и этой бескрасочности его видения старого Парижа похожи на сны, и внимание, не дробясь на разглядывание всяких деталей, более усваивает себе в них поэзию этой, успевшей уже стать глубокой, старины?».

Бенуа напрямую связывает художественное существование кроки с памятью, с запечатленным мимолетным ощущением. И подчеркивает, что восстановление этой памяти идет именно путем поэтическим. Через образ, через «сны»... Об этом написал Поль Верлен:

ПАРИЖСКИЕ КРОКИ

Луна на стены налагала пятна
Углом тупым.
Как цифра пять, согнутая обратно,
Вставал над острой крышей черный дым.

Томился ветер, словно стон фагота.
Был небосвод

Бесцветно-сер. На крыше звал кого-то,
Мяуча жалобно, иззябший кот.

А я, – я шел, мечтая о Платоне,
В вечерний час,
О Саламине и о Марафоне...
И синим трепетом мигал мне газ.

(Перевод В. Брюсова)

В России техникой спонтанной, быстрой кисти или карандаша блестяще владели Репин, Серов, Бакст, Коровин... «Единое художественное движение», которое превращается в законченность всего целого. В своих воспоминаниях «60-70-е ...» И. Кабаков – представитель как раз московских нонконформистов – заметит: «Еще в двадцатые годы сохранилась школа этого виртуозного мастерства, но уже графическими материалами, например, у ленинградцев – Куприянов, Бруни-старший, Митурич-отец»...

И тут, как то ни странно, стоит вспомнить второе значение термина «кроки» – вовсе не поэтическое, а техническое. Однако именно оно наталкивает на мысль о подорожной карте для того пути, который будет проделывать зритель, разглядывая зарисовки далеких нравов, ушедшего быта, давно не живущих людей. Кроки — это «чертёж участка местности, выполненный глазомерной съёмкой, с обозначенными важнейшими объектами. [...]». Поясняющие дополнительные данные, которые нельзя изобразить графически, записываются в «легенду» на полях или обороте чертежа». В качестве «легенды» в беглых зарисовках Трауготов 50-х годов фигурируют фамилии изображенных людей, иногда напоминания о том, что произошло, но чаще всего – легенда отсутствует. Только художник еще помнит, еще знает, узнаёт совершившееся прошлое.

Выставка Г.А.В. Траугот «Роальд Мандельштам и другие...» и есть подорожная ленинградской художественной жизни середины прошлого века.

Эстетизированным и отрефлексированным беглым, быстрым рисованием в это время уже практически не занимаются – то ли считается старомодным, то ли просто утерян навык, а умы художников занимают скорее идеи, нежели рисование как таковое. «Хороший» рисунок, приблизительно со времени всеобщего распространения искусства фотографии (и фотографий) – и чем дальше, тем все явственнее – лишь скучное прикладное средство достижения формальной цели, понятой как эффектный результат той или иной социальной практики, но не след взвешенного приложения чуткой руки *мастера*, и даже не «побочный продукт» его одухотворенного, рафинированного, пусть самой высокой пробы, но – *ремесла* (художник — суть ремесленник, об этом в старину не было двух мнений). Утонченному интеллектуализму рисунка в русле классической доктрины, психологизму в передаче характера предполагаемого референта изображения ныне нет места в общепринятых социальных «интерактивных» биостратегиях.

Все меняется, и вода, в которуюходишь второй раз, уже не та вода, в которой был в первый. Сам факт рисования заметок на полях жизни действительно представляется сегодня продолжением – возможно, анахроничным – старой традиции, одним из поворотов темы «художник и общество», но результат этой работы – сами рисунки – провоцирует обратиться к более современным исследованиям, посвященным, правда, не графике, а фотографии.

Punctum

Ролан Барт в своей книге «*Camera lucida. Комментарий к фотографии*», пытается проанализировать сущность этого медиума, выделяет две составляющие восприятия

фотографии— *studium* и *punctum*. При этом *studium* – это некое «гладкое» восприятие, некий «контракт», заключенный между зрителем и изображением. Он наделен конвенциональной познавательной составляющей и общекультурной составляющей эмоциональной.

Punctum же – то, что «пробивает» восприятие зрителя, то, что «на меня нацеливается (но вместе с тем делает мне больно, ударяет меня)», это – укол, он влечет зрителя, разбивает или прерывает *studium*. Это что-то вроде смысловой точки, она не поддается точному определению, *punctum* невозможно передать, он рождается лишь в субъективном восприятии; *punctum* нельзя создать или вызвать намеренно, его появление всегда спонтанно и непредсказуемо.

Упоминание о фотографии в разговоре о выставке рисунков художников, которые, если бы было возможно не фотографироваться для документов, то этого бы никогда и не делали, а представляли во все государственные органы свои автопортреты, было бы некорректно, но речь не о фотографии, а о *Punctum*'е. То есть, о смысловой точке этих беглых зарисовок, о странной встрече пространства зрения, пространства субъективного, с тонко очерченным «пустым» пространством зарисовки на белом листе. И – неожиданно – именно эта пустота, которая оборачивается пропуском в прошлое, открытой дверью для памяти, пусть даже не своей, а другого человека, оказывается густой субстанцией эмоционального переживания. Переживания времени, личного переживания, переживания эстетического. Дело не в том, что все герои узнаваемы: странным образом, линия, очерчивающая силуэт человека на чистом поле листа, насыщает эти, кажется, лишённые плоти, фигуры убедительностью жизни. Рождается характер, звучат отдельные фразы прерванного более полувека назад разговора...

О. Кустова

ТЕБЕ И СЕБЕ

Р. Гудзенко

Гороскоп составляется просто,
Отрывают от неба кусок
И играют созвездьями в кости,
Так что искры летят в потолок.

Гороскоп составляется просто,
И когда среди ясного дня
Есть звезда у любого прохвоста,
Быть должна, значит, и тебе.

Я составил тебе гороскоп,
И от радости еле не плачу.
Оказалось, что ты не умрешь,
А уедешь куда-то на дачу.